

ЗАВАДНИК

— Думаю, я попала в период вне времени. Каждая женщина-актриса попадает в такой период. Глазки не те, лицо изменилось... Кто раньше знал Нину Усатову? А после сорока она стала известной. И в то же время где сейчас популярна когда-то Наташа Негода?

У ларьков, куда Галина побежала за копченой курицей, группа мужчин. Они толкают друг друга локтями и явно не решаются подойти.

— "Интердевочка"... проститутка... Стокгольм... героин... — доносится до наших машин, и от мужской компании наконец отделяется парламентар.

— Татьяна Ивановна, автограф, пожалуйста. Мы вас любим!

Актриса пишет "с любовью" красным цветом:

— Какая у вас ручка кровавая. Кто-то узнает Агафонову именно Веркой-москвичкой из "Интердевочки", другие — румяной активисткой из "Одиноким предоставляется общежитие", третьи вспоминают фильмы "Зина-Зинуля", "Женский день", "Скорый поезд", "По главной улице с оркестром".

Но в данный момент ее основная и главная роль — председатель колхоза "Авангард". Се-

Кадр из к/ф "Зина-Зинуля".

годня они с Галиной, коллегой из соседней вотчины, ездили в Тверь в департамент сельского хозяйства. Поэтому разговоры в пути (сначала до Лихославля, а потом и до Залазина) звучали самые что ни на есть председательские — о технике и налогах, политике и полевых вредителях. Говорили так, что сельским фольклором повеяло еще в черте города. Помните, как в анекдоте: колхозников просят в двух словах рассказать иностранцам о делах, встает мужичок и начинает: "Как е... твою мать, так е... твою мать. А как е... твою мать, так х...!" "Как работать, так Кузьмич. А как деньги получать, так начальство!" — говорит переводчик.

— У тебя диктофон, надеюсь, не работает? — смеется Агафонова. — Я вообще-то матом не ругаюсь, но иногда накатывает.

Председатель

— Вы актриса, юрист, а теперь еще и сельским хозяйством занимаетесь — эк вас разметало!

— Здесь тоже творчество. Творчество — это работа не только души, но и башки. Другое дело, что кому-то везет, а кому-то нет. У меня немножко получилось. Вообще, я никогда не боялась поменять пространство и время.

— Что значит "поменять время"?

— Если говорить о том, в каком измерении живет сегодняшняя деревня, — это XVIII век в лучшем случае! А то и XVII.

— Вам, коренной москвичке, было легко адаптироваться на селе?

— В детстве меня всегда привозили в деревню, которая в километре от Залазина. Так что я сюда не с потолка упала. Вообще я считаю, что человек закладывается в раннем детстве. И гены — это великое дело. Рано или поздно, но к корням обязательно притянет.

— Наверное, не только в корнях дело, нужна причина, чтобы развернуть жизнь на 180 градусов...

— Умерла моя мама, мне до сих пор трудно об этом говорить, с работой все стало неопределенно, и я приехала сюда. А поскольку я росла в этих краях, ко мне как к юристу люди приходили посоветоваться. Колхоз тогда разваливался, и вопросов возникало много. Потом мне предложили возглавить хозяйство, и я подумала: почему бы и нет? Так в 2002 году я стала председателем колхоза "Вперед!", впоследствии переименованного в "Авангард". Поначалу было ошибочное мнение, что я притащу с собой кучу денег и все проблемы улетучатся. Но я сразу сказала, что деньги тут появятся только путем нашего общего заработка.

— Сколько у вас сейчас сотрудников?

— Сорок. Раньше было сто семь. Но когда я увидела, что одну доску несут десять мужиков (девятнадцать из которых находятся в таком состоянии, что они ее не несут, они за нее держатся, чтобы не упасть!), было принято решение сократить штат. Логика тут простая: не хотите работать, уходите в сторону! Конечно, существует и законодательство, и мои моральные нормы, но из двух зол надо выбирать меньшее. Я приняла хозяйство с 260 тысячами долга по зарплате, поэтому сокращение еще и с этим было связано. Сейчас мы полностью рассчитались с долгами. Правда, мне это дорого обошлось, особенно в области здоровья... Но все равно!

— Колхоз большой?

— Вправо 20 километров и влево 16. Растениеводство занимаемся. Коров держим, лошадей.

— А каких коников разводите? — не удержался от вопроса самый равнодушный к лошадям репортер.

— Каких? А таких, чтобы по сугробам ездить было можно! Есть же зима, когда только в Москве, да и то не всегда, чистят дороги.

Ужин, на который мы остановились, не дотянув даже до Лихославля, получился истинно деревенским: можно было сгребать все в узелок и смело отправляться в поход дней на пять. Кроме того, к ужину полагалось "за знакомство" — святое, в общем-то, дело. Пришлось напрямую заявить, что некоторые люди самогоном и водкой можно убить. Это признание неказанно развеселило председателей.

— Откуда она была? Ну, помнишь журналистку, которая все пить не хотела? — хохочет Галина.

— Из Дании! — Татьяна щедро намазывает горчицей черный хлеб. — Сначала ныла, что водку пить не будет, а потом мы уже не могли, а она все пила и пила. До пяти утра тогда сидели. Хочешь, я тебе скажу, почему ты не пьешь водку?

— Ну и почему? — я уже приготовилась к очередной деревенской шуточке.

— Ты глянь, жених! Антени повесил, фонарей понакрутил, — обсуждают председательши Татьяна и Галина водителя, чей "жигуль" беспардонно подрезал их минуту назад. — Стекла у него тонированные, а задний мост болтается! Мы едем в деревню Залазино, которую тамошные жители три года назад самовольно переименовали в Агафоновку. Случилось сие событие сразу после того, как руководство здешним хозяйством взяла на себя актриса ТАТЬЯНА АГАФОНОВА. Но ввали все, кто говорил о ее окончательном и бесповоротном уходе из кино. Татьяна не часто, но снимается.

— Может быть, и мое время снова придет, тогда я вернусь в профессию уже основательно. Я же не говорю, что могу остановиться: жить и помереть в колхозе, чтобы меня похоронили с почестями, пронеся три раза вокруг деревни!

ЗДРАВСТВУЙ!

К/ф "Одиноким предоставляется общежитие".

ТАНЯ-ГОЛЛИВУД!

— Ты не руководишь колхозом!

— Продукцию продаете в Тверской области или получаете пробиваться в столицу?

— Не получается. Очень жесткий забор посредников. Сферы рынков распределены, и новому человеку сложно. Мне кажется, что все было сделано неправильно в принципе — сельхозпроизводитель оказался оторван от переработчика. Последние сейчас монополисты, что хотят, то и делают.

— Вам бы замкнутый цикл: к коровкам — маленький заводик, и никаких посредников.

— Совершенно верно. Только все упирается в возможность. Здесь уже давно все поделали и попилили.

За свою трехлетнюю практику я поняла, что сельское хозяйство может быть прибыльным. Только надо продумать налоговую политику. Крестьянин ведь получает прибыль только к концу года — в декабре, январе, феврале — и тогда может спокойно заплатить все налоги. А когда приходит целый год, пени съедают все... Животноводство немного сложнее, в смысле прибыли, но если б не было такого количества посредников — и оно было бы рентабельным.

— Не жалеете, что за это взялись?

— Нет. Я могу жалеть только о том, что не сделала, упустила. А здесь я свои задачи выполняю. Люди, которые никому и ни во что не верили, реанимированы. Кстати, один из ответов на вопрос, почему деревня пьет, — это проявление депрессии. Обманывают все. Приезжают, говорят, что все будет так-то и так-то, а в конечном итоге все разворачивают и уезжают.

— Вы вроде чуть депутатом не стали...

— Было дело. Просто есть такое понятие, как лицо партии. Ко мне приехали старые знакомые из Аграрной партии России, и меня на это дело склонили. Но как только я

Бывшая "интердевочка" рулит колхозом "Авангард"

попала на выборы и посмотрела на сие вблизи... Это же дас ист фантастиш! Не дай бог, и врагу не пожелаешь.

— То есть увидели всю неземную красоту предвыборных технологий?

— Ну да. Ни для кого же не секрет, что нет законов, которые создаются для людей. Помоему, все придумывается только для того, чтобы изобрести новый способ отобрать! Обязательное страхование транспортных средств, дорожный налог для сельхозпроизводства, страхование жилья... А источники постоянно иссыкают, и надо придумывать новые и новые виды денежного отъема!

Вот это кино!

— Актрисой очень хотелось стать?

— Не знаю. Просто пошла поступать — и все. Сниматься начала рано, на втором курсе.

— А что вы на вступительных экзаменах читали?

— Басню "Свинья под дубом", поэму Блока "Двенадцать", "Яму" Куприна и весьма интересно под вальс ходила маршем. У аккомпаниаторши рука была очень резкая, и даже самые спокойные вальсы у нее выходили как марши.

— Почему вы ушли из Школы-студии МХАТ?

— Театр — это живой организм, и ты должен или стать клеточкой этого организма, или уйти, потому что клетка будет отторгнута. Когда я поняла, что не могу вписаться в этот организм, ушла. А поскольку в кино я начала сниматься раньше, чем пришла в театр, меня не покидало ощущение внутренней свободы.

— Татьяна, а не обижает ли то, что ваши партнерши по "Интердевочке" — Яковлева, Дакуняйтэ, Розанова — гораздо чаще мелькают на экране?

— Нет. Девчонки молодцы, я за них очень рада. Просто у них есть что-то, чего, видимо, нет у меня. А мне здесь везет. Так что кому какая судьба написана!

— Вы так искренне за коллег порадовались, что совсем не похожи на актрису. Может быть, поэтому не вписались в театральный мир?

— Не исключено. Я никогда не относилась с завистью к чужому успеху. А для чего завидовать-то? Я считаю, что моя жизнь сложилась. Несмотря ни на что, я осталась нормальным человеком, который не разучился реагировать на боль окружающих, видеть мир красивым. Я считаю, что это большая удача.

— Да, от артистической тусовки вы далеко оторвались...

— А я, наверное, в ней никогда и не была. В год шло по 2—3 картины, плюс еще театр был, учеба, и я так уставала, что до тусовки не дотгивала. А потом, я жаворонок, и поэтому в 22.00 меня начинает плющить и колбасить — я должна лечь спать! Даже после спектакля просыпалась с восходом солнца. Хотя я ходила на тусовки, просто не часто. Кроме того, там же надо тусоваться, а я давно за рулем.

— Рискую получить по ушам, но вы всегда были такой... упитанной?

— Сколько себя помню. Сейчас, конечно, я здорово выросла в габаритах, и уже тяжело становится. Я заметила, что начинаю усиленно поправляться, когда много работы, график напряженный. Толстею на нервной почве. Однажды я похудела за полгода на 50 килограммов, не прилагая к этому никаких усилий, даже зарядку не делала — просто находилась в спокойном состоянии. Но только началась убойная работа, и меня понесло как на дрожжах!

— Полные актрисы на съемках всегда страдают от технических накладок.

— На картине "Джокер" я должна была ездить на "Пежо" 1912 года выпуска, главной отличительной особенностью которого были деревянные колеса и отсутствие амортизаторов. Снимали в Бахчисарае, где дороги преимущественно выложенные камнем — то есть едешь и всем организмом чувствуешь, что находишься под тобой. Так вот, чтобы остановить данное транспортное средство, необходимо было снять аккумуляторную клемму, которая находилась под сиденьем у водителя. Когда я села за руль этого "Пежо" в первый раз и задницей замкнула плюс с минусом, ощущения получились очень конкретные. В "Аляске-Кид" я должна была ехать верхом, и на лошадь недели только одну подругу. Причем я каскадерам сразу сказала: "Ребята, посмотрите на меня, на эту худую скаковую лошадь и наденьте вторую подругу!" Но они решили, что я проеду и безо всяких излишеств. Закончилось тем, что я свалилась вместе с седлом, собирала с земли зубы и потом долго носила на ноге гипс.

— Вы ведь и в рекламе снимались. Что двигали в народ?

— Водку "Зверь". Это был мой первый рекламный опыт. Кстати, мне тогда даже приз дали за лучшую актерскую работу! Сюжет был простым, как велосипед: я стреляла из "Узи" по мужу-алкоголику. Потом много еще чего рекламировала.

— А из-за чего ушли с телевидения (Агафонова вела передачу на ТВЦ. — Е.М.)?

— Объединение "Экран" тоже ведь грохнуло. Народу надо было поделить собственность, в общем, все как обычно — варварство и ограбление.

— Потом вы организовали творческое объединение, и, говорят, даже был наезд.

— Да, было. Там все сошлось в одно: с одной стороны — налоговая, с другой — бандиты. Ну и как в таких условиях можно работать? Людей, таких же, как ты, актеров, обманывать? Я решила, что лучше заниматься чем-то другим...

А зори здесь...

Деревня Залазино встретила нас белой ночью, красотичей нетронутых полей и прочими атрибутами фольклора. Предки Татьяны, династии Ивановых и Фокиных, жили здесь несколько столетий подряд. Растили лен и процветали.

Обратите внимание, даже в маленьких деревнях стоят огромные храмы. Здесь карело-финский национальный округ, поэтому определенная культура присутствует. Периодически на карельские посиделки приезжают финны. В школе карельский изучают наравне с русским.

На пороге председательского дома нежится кошка совершенно мышиного окраса. Она издает одобрительный "мур", потому что Татьяна не забыла купить ей внушительный пакет сухого корма.

— Баранину не ест! Представляете? Совсем обнаглея.

— Татьяна, какой у вас старый дом! Сколько же он успел накопить информации о своих владельцах!

— Этому дому 180 лет. Однажды приходила женщина, которой было лет восемьдесят, и попросила зайти внутрь. "Я родилась вот в этом углу, за печкой!" — сказала она. Напротив стоит дом моих предков, ему 200 лет. Когда мы приезжали, бабушка просила разрешения у хозяев и просто сидела на скамейке. Это желание не объяснишь словами. Года полтора назад мы с братом оказались в московском дворе, где я играла совсем маленькой. И сразу навалились запахи, воспоминания, и захотелось просто побыть там. Москва, особенно тополиная, имеет свою особенную атмосферу.

— Ой, русская печка! А дрова готовые привозят?

— Привозят из леса. Раньше сама колола, сейчас чаще нанимаю человека, чтобы поколол.

— А вы принимаете участие в деревенских посиделках?

— Даже на танцы иногда хожу! У нас в пятницу, субботу, воскресенье — танцы в клубе. И ничего зазорного тут нет, наоборот, думаю, людям нравится, что у них такой живой председатель. И потом, у нас колхоз в смысле возраста не старый, средний возраст работника — 38 лет. Самое время танцевать.

— У вас обручальное колечко. Замуж вышли?

— Личные дела я не обсуждаю. О работе — пожалуйста. А насчет всего остального я не слишком общительный человек. В мой дом, кстати, редко заходят посторонние. Я стараюсь не бывать тут в выходные, потому что обязательно придут, непременно что-то случится... Это сейчас спокойное время, а как начнется — пожароопасная обстановка, зимой заметет и так далее до бесконечности. Когда в деревне что-то случается, бегут к тому, у кого есть техника.

Актриса Агафонова, конечно, может скрыть свою личную жизнь и любимого мужчину сколько душе угодно, но, к счастью, она живет в деревне. Нормальной хрестоматийной деревне, которая, как водится, прекрасно осведомлена о самых страшных тайнах своего руководства. Первая же попавшаяся на глаза жительница Залазина, радостно кивая и со знанием дела, подтвердила все: председательша вышла замуж, муж предположительно питерский, машина "Гранд Чероки" красного цвета подарена им же. Но сколько деревенские ни старались углубить визиты любимого мужчины Агафоновой в ее вотчину, ничего не вышло.

Татьяна действительно не выражается, и самое страшное, что от нее слышали подчиненные, это "не пердольте мне мозги!". А еще некоторые несознательные начальники из числа администрации района за глаза называют руководством колхоза "Авангард" Танькой-Голливуд. В чем, впрочем, не сильно ушли от действительности.

Елена МИХАЙЛИНА,
Залазино—Лихославль—Тверь—Москва.